

УДК 811.161.1

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ СОЧИНЕНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ
И СИНКРЕТИЧНОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ИМПЕРАТИВОВ****GRAMMATICAL VARIATION IN THE WRITINGS OF BELIEVERS AND ITS
IMPERATIVES OF VALUE****С.Ю. Нагорная
S.Y. Nagornaya***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: nagornaya@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются грамматические особенности письменного языка сочинений старообрядцев-странников XVIII – XX вв., динамика использования глагольных форм в синхроническом и диахроническом аспектах. Устанавливается взаимообусловленность выбора авторами того или иного языкового элемента с национальными ценностными доминантами, ментальными процессами.

Abstract. The article discusses the grammatical features of the written language writings of old believers-pilgrims of the XVIII – XX centuries, the dynamics of the use of verb forms in the synchronic and diachronic aspects. Establishes the interdependence of the choices of the authors of one or another linguistic element with dominant national values, mental processes.

Ключевые слова: история русского языка, старообрядчество, письменный узус, преемственность.
Keywords: history of Russian, old believers, written language usage, continuity.

Введение

Эпохальные мировые общественные процессы, такие как глобализация, универсализация, с одной стороны, и стремление к сохранению национальной идентичности, с другой стороны, изменяют языковую ситуацию в любой стране, втянутой в пучину названных процессов.

Отсюда вытекает естественный повышенный интерес, не только у специалистов, к пониманию принципов развития языка, коммуникативно-прагматических факторов, к выявлению закономерностей успешности дискурса, транслируется социальный заказ на коммуникативную безопасность. Становится понятным, что концептуальное осмысление языковых фактов дает возможность глубоко осознать взаимообусловленность языка и культуры, воздействия определенного текста на ментальное и нементальное поведение носителей языка.

Особый интерес представляют в этом ракурсе тексты носителей традиционной национальной православной культуры – старообрядцев-странников, которые позволяют проследить динамику изменений письменного языка на диахроническом и синхроническом уровнях.

Основная часть

Сочинения старообрядцев-странников XVIII-XX вв., с одной стороны, создаются на основе прецедентных христианских текстов, но в то же время они представляют собой особый, уникальный узус, отличающий их и от текстов раннего староверия, и от кодифицированного языка, и от языка «официального» религиозного дискурса, т.к. старообрядцам приходится самостоятельно осваивать вековое наследие с прочной иерархией ценностей в постоянно изменяющихся условиях, транслировать абстрактные значения библейской топики в область повседневной жизни.

Необходимо подчеркнуть, что старообрядцы всегда осознавали специфичность письменного языка, природное отличие его от разговорного языка. Проведенное исследование удостоверяет, что письменный язык старообрядцев-странников обладает собственной органической динамикой, автономностью и относительной независимостью от устного узуса.

В связи со сказанным актуальным становится выявление изменений письменного языка конкретных текстов, определение механизмов, выполняющих функции регулятивов языковой деятельности, вычленение устойчивых звеньев языковой системы и подвижных, вариативных элементов, допускающих модификации.

В связи со сказанным наибольшее своеобразие представляют грамматические особенности письменного языка сочинений старообрядцев-странников, а именно, использование глагольных форм, прежде всего форм прошедшего времени, как традиционных знаков книжно-славянской языковой традиции. Именно глагольные формы в письменном узусе кардинально расходятся с системой живых славянских языков. Так, уже в XVII веке сложная система прошедших времен «остается «последним» признаком литературности, когда все остальные грамматические явления книжно-славянского языка в памятнике уже заменены некнижными, характеризующими грамматическую норму деловой и бытовой письменности» [1, с. 272-273].

В XVIII веке, когда формируется литературный язык нового типа, употребление простых претеритов в письменном языке колеблется в зависимости от языковой ориентации авторов и жанровой характеристике текста. Напр., в языке исторических сочинений к. XVII нач. XVIII в., написанных на гибридном церковнославянском языке, простые претериты «рассматриваются как бесспорные специфические книжные формы» [2, с. 4]. «Кодификаторы» нового литературного языка также выделяли в наборе признаков книжности церковнославянские формы прошедших времен, напр., у В.К.Тредиаковского: «простые претериты занимают главное место в этом наборе, что соответствует их традиционной - в течение многих столетий - роли основных признаков книжности» [3, с. 284]. «Спорадическое» употребление аориста отмечает С.П.Обнорский у Кантемира, Ломоносова «в определенной стилистической окраске (как черта строго возвышенного стиля)» [4, с. 152]. В гомилетической литературе XVIII века, в частности в проповедях Ф.Прокоповича продолжают существовать формы аориста и имперфекта «в качестве очень редких вкраплений» [5, с. 11].

Таким образом, простые претериты, давно утратившие живое значение, продолжают функционировать в литературном языке XVIII в. как маркированные признаки книжности.

В страннических рукописях XVIII-XX вв. активно используется сложная система прошедших времен. Простые претериты выступают не только как бесспорные специфические признаки книжности, но и как элементы, аккумулирующие христианский опыт. Соотношение форм аориста, имперфекта, перфекта и *л*-форм (перфект без связки) зависит от типа текста и времени создания памятника. Так, в страннических рукописях XVIII в. доминирующими формами выступают формы аориста, имперфекта и перфекта, а *л*-формы являются вторичным вариантом. В полемических и назидательных сочинениях процент употребления простых претеритов выше, чем в текстах, где преобладает историческое повествование, здесь чаще появляются *л*-формы. Проведенное статистическое исследование частотности употребления глагольных форм выявило для страннических рукописей XVIII в. следующее их соотношение: в сочинениях с историческим повествованием аористные формы составляют 70%, тогда как имперфектные всего 1%, *л*-формы – 29%; в назидательных текстах аорист составляет 87%, имперфект – 8%, а *л*-формы – 5%.

При сопоставительном анализе страннических рукописей с книжно-литературными текстами синхронного периода удалось установить, что явное предпочтение форм простых претеритов существенно отличает первые от книжно-литературных текстов XVIII в., в которых доминирующей формой прошедшего времени выступают *л*-формы, т.е., авторы-странники XVIII века в своих сочинениях выдерживают традиционное соотношение форм прошедшего времени в пропорциях XVII в.

В сочинениях бегунов XIX и XX века *л*-формы занимают доминирующее положение, простые же претериты выступают как вторичные вариантные формы. Соотношение вариантов по типам текстов остается таким же, как и в рукописях XVIII в.: процент употребления простых претеритов выше в назидательных текстах, в поучительных – ниже.

Необходимо отметить, что в состав одной старообрядческой рукописи чаще всего входят несколько сочинений, созданных в разное время и разнородных по жанровой специфике, что составляет особенность старообрядческой литературы. Подобные различия иногда напрямую связаны с употреблением тех или иных глагольных форм в текстах. Ярким тому примером служит рукопись XVIII в. из собрания Ундольского №510, находящаяся в собрании Редкого фонда Российской государственной библиотеки (фонд №310), обладающая неоспоримой информативной ценностью.

В состав данной рукописи входят несколько сочинений, написанных разными авторами и различающихся жанровыми особенностями, но переписанных одним человеком, предположительно – основателем страннического согласия, талантливым писателем Евфимием. Рассмотрим подробнее сочинение Евфимия, которое открывает данный сборник. В данном тексте простые претериты являются основным средством выражения прошедшего времени.

Сочинение посвящено обоснованию выхода автора из филипповского согласия старообрядцев, членом которого Евфимий до этого являлся. Автор в своем повествовании пытается доказать бывшим единоверцам, что разрыв с ними произошел не из-за его «высокомерия», в котором его обвиняют, а из-за *неисправления поврежденной истинной веры* филипповскими руководителями. В связи со столь необычной темой, затрагивающей личностные отношения, в сочинении приводится множество исторических фактов, хотя не всегда соблюдается хронологическая точность в описании событий прошлого; полностью приводятся в рукописи письма самого Евфимия и его бывших единоверцев, т.е. представлен эпистолярный жанр старообрядцев XVIII в. Главной темой сочинения остается рассмотрение идеологических вопросов староверия. Внимание к личности в совершившемся расколе, по мнению автора, вызвано тем, что это касается не только одного Евфимия, но «до всего

нашего православнаго сословия неотложнѢ касается. яко оныя дшавредная бѣда на всей цркви полагается» (510, 131об.).

Передача фактов прошлого провоцирует активное использование в сочинении форм прошедшего времени. В рукописи отмечаются формы аориста и имперфекта, а также л-формы (перфект без связи). Простые претериты отмечаются в первых строках текста, а именно, в обращении к филипповскому лидеру, (естественно, после традиционного молитвенного обращения к Богу), Ивану Алексею с «братией»: *сице не вѣм азъ како и откуду, **приизиде** на насъ бѣдствуещихъ таковое вышемъ рное зѣлодерзостное нетцевание* (510,2).

В менее объемных по размеру текстах, входящих в состав данного сборника, в статьях, письмах, в комментариях писем, и т.д., повествование также начинается с обозначения действия/состояния в прошлом формами аориста. Напр., начало письма Евфимия к Ивану Алексею: *получихъ азъ недостойный от вашего общаго о мнѣ грѣшнѣмъ бывшаго совѣта извѣстие* (510, 128); начало статьи: *Присемъ же **прииде** ми нужда, иванъ михайльчъ и василей михайльчъ. и к вашему бголебию о происшедшемъ нашемъ свами договорѣ побесѣдовати* (510, 123об); начало «Сказания» об отце Леонтии: *ЗСЧ го лѣта марта въ 3 день. ввечерь:**Прииде** ко мнѣ грѣшину сицу, той показанныи федоръ в келие, со дѣвицею наталиею* (510, 176об). Таким образом, с самого начала автор задает книжный тон своему повествованию, где использование маркированных церковнославянских элементов определяется композиционной обусловленностью.

Композиционный принцип использования простых претеритов является традиционным для книжно-славянского языка. Так, в русских повестях XV - XVIII, таких как «Повесть о Петре и Февронии», «Повести о начале Москвы», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть дивна об Ульяне Осорьгиной», и т.д., исследователи отмечают, что «непосредственное влияние на употребление аористных и имперфектных образований оказывает традиционное начало повествования» [6, с. 13]. Также в русских исторических сочинениях к. XVIII – нач. XVIII вв. отмечается стремление авторов «с самого начала актуализировать «книжность» своего текста с помощью форм простых претеритов» [2, с. 6].

Таким образом, Евфимий продолжает традицию русских книжников, оформляя начало и конец частей в своем сочинении аористными формами. Кроме того, формы аориста выступают доминирующим способом в выражении прошедшего времени в повествовании как средство указания на действие/состояние, целиком отнесенное к прошлому и представляемое как единый, нерасчлененный акт: *ехать никуды **не восхотѣхъ, ожидахъ** вашему слову рѣшения, когда от оца придет извѣстие, и егда же **прииде**, и прочте оно вами присланное письмо ис поморши, и видите кое, учини рѣшение* (510, 126); *азъ же попростотѣ своей, якоже **повелѣстѣ** ми **молчахъ**. ничесаго **не глахъ, сотворихся** от васъ аки осуждени и **вмѣнися** вами во ономъ от онаго оца писмѣ писанное на мя грѣшника правда* (510, 126об); *чесо ради такового его скорого самовольнаго дерзновения. и кромѣ брацкаго совѣта, стѣми жадосющаго соединения, **дерзнухъ** к нему азъ много о томъ воспротивословити, и в томъ **нарекохъ** его которниномъ. и **признахъ** за самовольство ево* (510, 5-5об).

Формы имперфекта в повествовании при подробном изложении событий истории размежевания Евфимия с филипповскими лидерами, отмечаются тогда, когда на действии, целиком отнесенном к прошлому, необходимо сосредоточить внимание как таковом, выделить его в кругу других действий, выраженных формами аориста, напр.: *тогда азъ **вдахъ** вамъ себѣ в воле ващю. якоже у насъ со иваномъ михайльчемъ и васильемъ михайльчемъ слово **бъише** (и кое и **напомянухъ** до вашего бголебия в посланномъ от насъ писмѣ, которае **послася** прошедшаго ЗСЧ го лѣта, по ржствѣ хвѣ. внемъ же ясно вся подробну тая **написашася** показываются) будучи же ми ЗСПО го года на ехти **писяхъ** тамо писмо, и **послахъ** оно к вамъ* (510, 30б). Все действия, выраженные указанными формами, разворачиваются на фоне основного события – заключения договора с лидерами филипповского согласия о разрешении взаимных претензий концептуального характера для автора. Этот конфликт, которому посвящено целое сочинение, имел значительные последствия, а именно – появление крупнейшего лидера и идеолога страннического согласия, занявшего заметное место в староверии.

Формы имперфекта в сочинении Евфимия используются чаще всего для выделения прошедшего действия/события среди других действий, выраженных аористными формами, напр.: *того ради сице и **исполнихъ**. а и къ стю же вы статиямъ ихъ неинаго ради чесого **неподписахуся**, но точию ради положеннаго внихъ ко исправлению вашей присяги. а тое положение в нихъ к вашему исправлению зрится быти согласно того ради ко онымъ статиямъ ихъ и **ниподписашиа**. тыя же ихъ статии соборнѣ **издашася**. и обща всѣхъ братей рукоподписаниемъ законнѣ **укрѣпишася*** (510,7). В данном контексте наблюдаются формы аориста и имперфекта от одного глагола. Имперфектной формой Евфимий выделяет причину, по которой Иван Алексеев, его бывший покровитель, наставник одного из филипповских общин в Москве, не подписывался под Уставом-«Стостатейником» Алексея Яковлева.

Необходимо отметить, что автор использует в вышеприведенном контексте формы аориста и имперфекта 3 л. мн. ч. в значении 2 л. мн. ч. Подобные ошибки, когда происходит смешение личных форм, имеют место в сочинении Евфимия, напр.: *вы **усовѣтоваша*** (510, 6); *вы же на то мое прошение ничего **неучинишиа*** (510,127); *а вы посвоему обѣту за присягу нимало **исправишася**, и оттолѣ доднесь тако вы вси просто **осташиа** безисправления* (510,6). Здесь же наблюдается

использование формы 2 л. мн. ч.: **вы же ихъ писанием обличивъ неупразднисте** (510,6); или: с тѣмъ вы от мене искѣлиши и **изыдоште** (510,125); **вы же и то тако просто остависте** (510,124об); **вы** яко же **повелѣстѣ** (510,126об).

В других случаях отмечается использование формы аориста 3 л. мн.ч. в значении 1 л. мн.ч.: и тако **совѣтоваша мы** с ним матфеем, чтобы нам православнѣ свою црковь чту и непорочнѣ и ниоткаго незазренѣ...непокалебимо устроить (510, 127об), а также форм 1 л. ед.ч. в значении 3 л. ед.ч., возможно, под влиянием окружающих аористных форм: **нарекох** его которником моровыя язвы, от него вси происходящыя въ цркви которы и расколы тако **рекох** ему за что онъ мене грѣшнаго и **изогнах** из молитвеннаго храма. азъ же оттого времени **начах** единъ уединяся о себѣ в кѣлиши пребывати (510, 50б); при собрании де ево спросим, за что онъ тебя **изогнах** из часовни (510, 50б).

На подобные ошибки в литературном языке XVII века указывает М.Л.Ремнева, расценивая их как черту «упрощения» грамматической нормы литературного языка, тенденцию к утрате изменения по лицам и числам форм аориста [1, с. 277].

Таким образом, в сочинении Евфимия встречаются нарушения нормы использования простых претеритов. Следует подчеркнуть, что смешение форм отмечается в собственно авторском тексте, в повествовании о событиях, непосредственным участником которых являлся сам Евфимий. В цитатах Св.Писания, поучений св.Отцов церкви, ранних старообрядческих сочинений подобных нарушений не обнаружено.

Формы имперфекта в сочинении Евфимия преимущественно образованы от глаголов несовершенного вида. Формы аориста могут быть образованы как от основ совершенного вида, так и от основ несовершенного вида, напр.: **послахъ – посылахъ: писалъ...письмо. и послах** ева к вам (510, 126об); **ему прочель своеручное письмо, кое от себѣ ко отцу посылах** покорное (510, 127). Вряд ли здесь имеется в виду действие, «совершенное в двух противоположных направлениях» [7, с. 193], характерное для аориста от основ несовершенного вида, т.е. то, что письмо, адресованное И.Алексееву, вернулось обратно к Евфимию. Речь скорее всего идет о копиях письма, значит, аорист от основы несовершенного вида используется в значении акта единичного и завершенного в прошлом.

Образование форм прошедшего времени от разных основ в рукописях странников наглядно иллюстрируют соотносительные глагольные пары в сочинении Евфимия. В рукописи отмечаются соотносительные образования: а) форм имперфекта и аориста, а также имперфекта, аориста и л-форм от одной основы несовершенного вида (**прилагаше – прилагах; слышахуся – слышася – слышали**); форм аориста и л-формы (**ходих – ходили**); б) аориста и л-формы от основ совершенного вида (**учинися – учинилъ**); в) от разных основ, когда формы имперфекта образуются от основы несовершенного вида, а формы аориста и от основы несовершенного вида, и от основы совершенного вида (**хотяше – хотѣх – невосхотѣх**); г) форм аориста от основы совершенного вида, а л-формы – несовершенного вида (**повелѣша/повелѣстѣ – повелѣвалъ**). Необходимо определить, являются ли данные соотносительные образования эквивалентными вариантами в сочинении Евфимия. Напр.: **но егда же онья алексея, конечнѣ к тому согласитися нехотяще, но всегда неотложное желание к желанию прилагаше**, какъ бы несть токмо с федосеевыми вкупѣ быти (510,5); **и не яко токмо о себѣ едином, елико по своей силѣ помощью бжее прилагах усердие, но о всей православной цркви наше старание происходит** (510, 131). В первом случае имперфектная форма выражает повторяющееся действие, нелокализованное во времени, на что указывает и другой элемент контекста – обстоятельство. Аористная форма во втором примере используется в конкретно-процессном значении, обозначает действие хотя бы и длительное, но выраженное как единое, нерасчлененное. Обе формы отмечены в повествовании.

Соотносительные образования от глагола **слышати** представлены формами имперфекта, аориста и формой на -л, напр.: **и слышаш азъ на юхти от алексея григорыча о мнѣ реченное, что де тебя во оно время вси признали завластолебца** (510, 126); **и послѣ же слышася мнѣ от ивана алексеича происходяща рѣчи таковыя: что де онъ во время прочтения писма того ничто не глагаль** (510, 126об). Аористные формы используются Евфимием в синтаксической позиции ввода чужой речи. В этой же функции используются и форма на -л: **что мы в бытность нашу на ехти слышали что от вашего смирения нѣкоторое хухнанье и порицание происходило, яко бы онъ запроизведеннѣ за него еретиком присягу неполезенъ быть в правительствѣ** (510, 130об). Эта же роль в сочинении Евфимия отводится соотносительным образованиям аориста и л-форм иллокутивных глаголов.

Исследуемый материал свидетельствует, что л-формы в сочинении Евфимия являются вариантными формами имперфекта при выделении действия/состояния в прошлом. При этом доминирующим вариантом выступает имперфект, а л-формы – вторичным. Следует подчеркнуть, что л-формы и имперфект могут выражать в рассматриваемом тексте разное временное значение, но использоваться в одной функции. При выделении действия/состояния в прошлом имперфект отмечается как среди форм аориста, так и среди л-форм, л-формы – среди аористных.

Аорист и формы на -л применяются Евфимием как грамматические синонимы, взаимозаменяемые варианты в функции ввода чужой речи, как при прямой, так и при косвенной ее передаче: **слезно просих** о том, еже бы наше со отцом происшедшее дѣло от стаго писания разсмотрити (510, 131); **в нем же просилъ** ваию лебовь (510, 30б); **и просихъ** ваие лебовь, чтобы вы нас бѣдствующих по своему слову неоставили потцились бы тако сотворити (510,40б). В чужой

речи отмечаются *л*-формы, например в косвенной передаче: *а внем писано сице: **просиль** ващу лебовь (510, 1260б)*.

В повествовании Евфимий использует аористые формы от глагола несовершенного вида, принадлежащего к группе так называемых «моторно-кратных глаголов» или «глаголов нелинейного движения»: *но поубьждению алексея иваныча и прочих, **ходих** в млтвиных храм и замлтвовоах, не хотя некого оскорбити (510, 126)*. В передаче чужой речи Евфимий использует *л*-формы данного глагола, напр. в рассказе отца Леонтия: *а оцъ де александръ **приходиль** в кемь к духовным дЪтем (510, 177); они старицы слышавъ от павла оца, члкъ шестъ **ходили** к нему андреяну (510, 1770б)*.

В других случаях наблюдается использование в повествовании аориста и *л*-формы, скажем, от глагола *писати*, причем в почти идентичных контекстах, так как Евфимий дважды повторяет в своем сочинении один и тот же факт, что говорит о важности этих действий для автора. Однако в одном случае он использует аористную форму, в другом – *л*-форму, при совпадении других глагольных форм, ср.: *будучи же ми, ЗСПФ 20 года на ехти **писах** тамо писмо, и **послах** оно к вам в москву со алексеем григорычем предпраздником ржтва хва, в нем же **просил** ващу лебовь (510, 30б); и будучи азъ грЪишнии на ехти, **писахъ** к вашему бголебию писмо. и **послах** ева к вам со алексеем григорычем, предпраздником ржтва хва. в нем писано сице: **просиль** ващу лебовь (510, 1260б)*. Аорист и *л*-форма выступают здесь как взаимозаменяемые варианты, используемые в одном временном значении. Но если во втором примере автор мог выбрать из двух вариантов *л*-форму, то после даты в первом примере он использует аорист. Именно указание на точную дату, по мнению П.С.Кузнецова, требовало по старым нормам наличия аориста [7, с. 216]. Мотивированность выбора подтверждается тем, что в сочинении Евфимия во всех других контекстах после указания даты отмечаются только аористные формы, ср.: *Понеж убо мы грубонесмыслени и послЪднии старецъ Евфимиц, еже прошедшаго ЗСПИ 20 года, во время состоявшагося в нас мира, то есть в субботу или в ндлю, в нюж чтется притча о мытари и фарисеи тогда азъ **вдах** вам себЪ в воле ващу (510, 30б);; но паче же прошедшаго ЗСЧ лЪта поржствЪ хвЪ, едичи точию...вы **усовЪтоваша**, ничесого нинаком того не искати (510, 6)*.

Наблюдение над употреблением аористных форм позволяет заключить, что автор хорошо знаком с нормами употребления простых претеритов, умело использует их даже тогда, когда невозможно ориентироваться на существующие образцы церковнославянских текстов, чтобы отразить события настоящей для него действительности. Он тонко чувствует, где более уместна и возможна вариантная форма.

Проведенный анализ соотносительных образований аориста и *л*-форм от основ совершенного вида позволяет заключить, что автор использует *л*-формы в передаче чужой речи, тогда как аористы – в повествовании. Указанные формы выступают как варианты, различающиеся по форме, но тождественные по содержанию.

В рассматриваемом сочинении Евфимий нередко включает чужую речь для показа объективности происшедших событий. При этом чужая речь передается несколькими способами: формой прямой передачи, формой косвенной передачи, а также контаминированными формами. Именно с передачей чужой речи в сочинении Евфимия связано появление форм на –*л*, напр.: *присла брата матфея иваныча соизвЪстием. онъ же приехавъ **объявилъ** мнЪ сице: **прислали** де меня братия до васъ оче (510, 127)*.

Этот принцип не распространяется лишь на передачу высказываний сакральных лиц, где традиционно в функции ввода прямой речи (как и в повествовании о самом лице) используются аористные формы, причем наблюдается перемещение аориста глагола *речи* в интерпозицию по отношению к прямой речи, что свидетельствует уже о некоторой формализации его значения: *оставите ба рече гдъ оставится и вамъ (510, 1290б); токмо поминая реченныя стьми: держитесь рече предания старецъ, яко тици навькоша от оцъ своихъ (510, 20б); в бесЪдахъ стьми златоуст глетъ :...не яко рече соединение црковное в раздоры и в расколы разЪкоша, но от расколь и раздоръ потщашася црковъ разрЪшити (510, 3)*.

Использование аористных форм в отношении к сакральным лицам связано с особенностями религиозного восприятия странниками временных форм. Старообрядцы сохраняют средневековое отношение к временным формам. Исходя из чего, формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе во времени, поэтому, в соответствии с христианской религией, они одни способны выражать действия, имеющие атрибут вечности. Формы перфекта и будущего времени выражают действия, ограниченные во времени, поэтому не могут соотноситься с сакральным лицом. Еще в XVII веке инок Савватий в челобитной царю Алексею Михайловичу протестует против исправления никоновскими справщиками формы аориста *бысть* на перфектную форму *быль еси* при обращении к Богу. Справщики вводят перфект, пытаясь избавиться от омонимии форм аориста 2 и 3 лица. Савватий же негодует потому, что «Богу лицо налагают» [8, с. 347], а Бог, по средневековому мировосприятию, не может соизмеряться с ограниченным временем, ибо он – вне времени.

В сочинении Евфимия формы на –*л* отмечаются в письмах, которые автор включает в свой сборник. При этом наблюдаются некоторые отличия при использовании глагольных форм в письмах самого Евфимия по сравнению с письмами его бывших единоверцев. Так, в письмах Евфимия формы на –*л* отмечаются только в функции ввода чужой речи: *и **объявилъ** онъ мнЪ, на мое бывшее давашего сословия письменное прошение сице (510, 128)*. В других случаях действия/события в прошлом

выражаются аористными формами: **разсмотрѣхъ** православнѣи цркви полезное, и всему хртіянству спасительное (510, 1280б); азъ же **положихъ** тако же к нему ехать (510, 129; не попомни моя грубости, егда како впервые и в послѣдние наше с тобою **бысть** свидание (510, 1290б). Аористные формы наблюдаются даже в передаче чужой речи в письме Евфимия, например, слов Матвея Иванова: *понеже дѣ твое **бысть** на него представление во гнѣвѣ и въ злобѣ* (510, 1280б).

В нескольких случаях отмечаются нарушения нормы использования формы аориста речи. Так, в значении 3 лица ед.ч. Евфимий использует формы 1 лица ед.ч.: *онъ же **рѣхъ**: вотъ де отселѣ согласовали, согласия оца федора и ивана старца и прочихъ* (510, 177); *онъ же **рѣкъ**: оца варлаама тамо нѣсть, но поехалъ к москвѣ* (510, 177). В других случаях наблюдаем правильную форму 3 лица ед.ч., например: *онъ же **рече**: что де онъ в своей присягѣ неисправляется* (510, 1770б).

Подобные нарушения аористных форм в книжно-литературном языке наблюдается у И.И.Дмитриева, например в стихотворении «Чужой толк»(1794г.): «Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им *рек*» [9, с. 375]; у Г.Р.Державина в стихотворении «Властителям и судиям» (1787): «Восстал всевышній бог, да судитъ Земных богов во сонме их; Доколе, *рек*, доколь вам будетъ Щадить неправедных и злых?» [9, с. 197]; у А.Н.Радищева в оде «Вольность» (1783): «Схвативъ железный скипетр, царь,... «По воле, - *рек*, - шажу злодея»» [9, с. 296].

Нарушения отмечаются в собственно авторском тексте, в цитатах же канонических текстов нарушений не зафиксировано.

В функции ввода прямой речи в рукописи Евфимия отмечаются кроме аориста глагола речи и другие иллокутивные глаголы. При этом они могут составлять соотносительные образования от одного глагола, напр., формы имперфекта, аориста и л-формы: *глаше - не глахъ - не глалъ*, включая и формы *говорить, говорили*. Ср.: *и принуждает мене въскорѣ исправити. **глаше**, что де мнѣ заутра в пустыню время ехать* (510, 178-1780б); *якоже повелѣстѣ ми молчах. ничасаго **не глахъ*** (510, 1260б); на этом же листе: *послѣ же слышася мнѣ от ивана алексеича происходяща рѣчи таковыя: что де онъ в то время прочтения писма того ничто **не глалъ*** (510, 1260б).

Подводя итоги описания форм прошедших времен в сочинении Евфимия, можно констатировать факт дифференцированного использования автором простых претеритов и форм на -л, мотивированного использованием грамматических эквивалентов, где первые являются несомненными маркированными признаками книжности, эксплицирующими связь с сакрально-авторитетными текстами.

В других сочинениях, входящих в состав данной рукописи, средствами передачи действия/состояния в прошлом также являются простые претериты и л-формы, но содержание текста оказывает непосредственное влияние на пропорции использования указанных форм. Так, главной темой небольшого сочинения «О расколническом именовани и запискѣ яко цркви неполезна, но паче есть вредна, и сомнителна», включенного Евфимием в свою рукопись (510), является доказательство пагубности записи в раскол для староверов. Для строгой аргументации автором привлекаются многочисленные цитаты из канонических (библейских и богослужебных) текстов, житийной литературы, сочинений раннего старообрядчества. Кроме того, для объективности доказательства отступления староверов от истинной веры при записи, активно цитируются государственные указы о расколнических делах, которые, по мнению странников, как нельзя лучше показывают невозможность сохранить *записным* в чистоте веру и спасти свою души от осквернения.

Формы аориста и имперфекта наблюдаются в контекстах, где речь идет о «древлепреподобных» отцах, которые никогда не шли ни на какие компромиссы с государственной властью, если речь заходила о содержании в чистоте православной веры: *обаже же древлепрѣбниши оцы пустынножителіе, неточіе о самѣх себѣ кожда, но и о прочихъ единовѣрныхъ братіяхъ неприличная хртіяномъ изглаголанія от невѣрныхъ слышати **нетерпѣша**, но **отрекошася** всячески чуждаго хртіяномъ нарицанія* (510, 1830б). Аористными формами от основ несовершенного вида автор указывает на действия отцов как таковые, включающиеся в ряд сменяющих друг друга процессов, которыми они и ограничиваются во времени. Описывая события далекого прошлого из истории раннего христианства, автор использует формы имперфекта: *якоже и древнии чесога духовное властие сотворити **невозмогаху**, то от гражданскихъ властей поможение **воспринимаву**, и тѣхъ самѣхъ црей православныхъ истинныхъ пастырей быти **нарицаху*** (510, 1790б). Здесь же формами аориста автор сообщает о действиях/событиях начала раскола, что позволяет судить о знании норм использования церковнославянских форм: *злосовестныи пастыри...новосочиненные книжицы подобныя сему **составиша** на поруганіе хртіяномъ* (510, 1790б).

Формы на -л в основном наблюдаются в сочинении в цитируемых указах, касающихся расколнической записи: *что ревизія **окончалась**, и о расколникахъ резолюціи никаковой неучинена. того ради правительствующи сенатъ, с духовнымъ правительствующимъ синодомъ имея конференцію, всеподаннѣише намъ **представилъ** до здѣ отъ указа* (510, 1800б). Достаточно редко формы на -л отмечаются в собственно авторском тексте. Данные формы автор использует, обвиняя староверов в том, что они сами просили о записи в раскол: *желаніе **имѣли** и о нынѣшней запискѣ самодержицы **просили**, чтобы имъ быть в расколѣ, и в расколническомъ окладѣ* (510, 1810б).

Таким образом, в сочинении, где преобладает назидание и обличительный пафос, отмечается меньше л-форм, чем в сочинениях с историческим повествованием, например, в сочинении Евфимия.

Другой текст данного сборника, а именно, «Отвѣты, на вопросы записавшихся, в двойной раскольнический окладъ. архагглогородскихъ хртіанъ», включенный Евфимием в состав исследуемого сборника (510), представлен в жанре «вопросоответных сочинений», особенно популярном в старообрядческой литературе.

Форма вопросов и ответов несет в себе «печать прямой обращенности к адресату» [10, с. 365]. В коммуникативном акте ярко выражен автор речи - противник записи в раскол, его идеологическая установка, адресат - защитник «записных» и «перлокутивный эффект»: расширение информированности адресата; изменения во взглядах и оценках адресата. Отношения между участниками диалога можно определить как совмещение информационного диалога и идеологического спора, хотя акт информации явно преобладает над актом коммуникации.

Формы аориста и имперфекта в «Отвѣтах...» отмечаются в цитатах слов отцов церкви, напр.: *поне же бо мнози вЪрвоаша чедес ради... мнози бо мняху вЪрвати, но неправо, ни яко же рече писание, а понеже убо они своимъ ересем послѣдашаша, того ради и погибоша. до здѣ златоуст (510, 2210б);* а также в повествовании: *иши и вновь вельми ощуцати начаша никономъ патриархом навовѣденія. и по признании лабызаша древнее блгочестіе, аще и в тайнѣ (510, 2260б);* и *яко же сердцемъ вЪрвоваху тако и усты по аплу исповѣдаху. и аще же лжива ихъ отступническихъ именемъ и облычающе, то сим отрицаху а не якоже ннѣ нарицатися соглашася (510, 230).* В последнем примере автор использует только формы имперфекта, которые подчеркивают указание на неделимую целостность действия. Подобные контексты, в которых действия выражаются только формами имперфекта отмечаются в страннических сочинениях достаточно редко. Чаще наблюдаются контексты, в которых среди форм аориста выделяется имперфект, например в повествовании о записи в раскол поморских отцов: *оцы...сего стаоческаго исповѣданія неосташа, и не еже молчаніемъ запечатлѣши, но и усты ясно предвѣми исповѣдаша, и не еже расколником сами нарицашеся, но и невинныхъ быти расколом по стому никифору показаша, и аще ж невинныхъ расколу исповѣдаша, то и нѣсть пореци сим, еже спротивнымъ повельніемъ соглашася, а аще же ни в чемъ несоглашася, то и благодти виное да не дерзаем (510, 231).*

В данном сочинении л-формы используются прежде всего в вопросах. Редкое исключение составляют вопросы, где отмечаются формы аориста, например: *и прежнія больше скитскія оцы в нихъ же быша: и како они о себѣ исповѣдали (510, 2310б).*

Кроме того, л-формы отмечаются в описаниях, например, когда «новые» мученики, т.е. еретики, сравниваются с донатистами: *и таковое мудрование имѣли еретицы донатисты, и самихъ себѣ убити повелѣвали, и замучениковъ вменили (510, 2200б. - 221).* Формами на -л автор выражает имперфектное и перфектное значение.

Наблюдаются л-формы в повествовании о том, «гдѣ ли обрящемъ явно содержащееся блгочестіе»: *но что ж увидим и на западѣ, гдѣ прежде апльское блгочестіе сѣяло (510, 2180б).* Таким образом, л-формы отмечаются в собственно авторском тексте, выражая все оттенки временных значений «старых» форм прошедшего времени.

Исключительно л-формы в «Отвѣтах...» зафиксированы в цитатах из правительственных указов, что вполне соответствует норме деловой письменности XVIII в.: *и кои никогда еще в расколѣ не были, вновь совращать и в расколѣ приводить и другихъ продержаетей церкви свои противныхъ производить не дерзали (510, 233);* *хотя на раскольниковъ записныхъ двойной оклад и положенъ. и они записались, однакожь не для того чтобы они свое расколническую прелесть развѣвать могли (510, 234).* Наблюдаются л-формы и в цитируемых ревизских сказках, к примеру, в устойчивых формулах делового языка: *артемей яшневъ руку приложилъ (510, 236-2360б).*

Итак, в полемическом сочинении «Отвѣты, на вопросы записавшихся в двойной раскольнический окладъ. архагглогородскихъ хртіанъ» (510) средствами передачи действия/состояния в прошлом являются простые претериты и л-формы. Жанр вопросо-ответного сочинения позволяет использовать идеологическим противникам в вопросах л-формы, которые повторяются в ответах странников, что дает основание сделать вывод об индуцировании л-форм вопроса. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основным средством выражения прошедшего времени в данном тексте являются формы простых претеритов, дополнительными вариантными средствами – л-формы.

В рукописях старообрядцев-странников XIX-XX вв. доминирующее положение в выражении действия/состояния в прошлом занимают л-формы, при этом важно отметить, что церковнославянские элементы наблюдаются не только в цитатах основного корпуса канонических текстов, но и в собственно авторских текстах.

В кодифицированном книжно-литературном языке XIX века простые претериты почти полностью исчезают из употребления, редко можно наблюдать формы аориста в поэтической речи в качестве допустимых «вольностей» [11, с. 193].

В страннических сочинениях XIX века продолжают функционировать простые претериты, которых в назидательных текстах отмечается больше, чем в текстах исторических. Напр, в рукописном сборнике XIX века под названием «Сія книга глаголѣмая Цвѣтнискъ. избрана отъ стыхъ книгъ бжественнаго писания и стыхъ оцъ преданія», который хранится в Редком фонде РГБ (собрание Е.В.Барсова, ф.17, №950) и представляет собой компилятивное произведение, основным средством

выражения прошедшего времени и являются л-формы, однако при этом активно используются аорист, реже – имперфект и перфект.

Формы простых претеритов отмечаются в сочинении в названиях статей, например: *Хртиянская отвѣты, пустынножителѣй собрания от стаго бжтвеннаго писания о антихристе противъ реформы петра великаго, егда **вопрошаше** ихъ о исповѣданнѣ православныя вѣры, и о покорение его власти. они же **отвѣщаша** имъ сице. Статия А. (Цв. 950, 12); Свидѣтельство от стаго писания о ревизиѣ, како она бгу мѣрзѣска обретається, якоже **случиша** во дни цря давида (Цв. 950, 2910б).*

По-прежнему популярной формой в «Цвѣтнике» выступает аорист глагола *речи*, употребляемый в функции ввода чужой речи, например, слов сакральных лиц: *понеже стѣи пророцы **прорекоша** намъ много образно о противникѣ (Цв.950, 1800б); и даниилово пророчество **исполниша** на немъ, якоже иоанъ богословъ о немъ же **рече** (Цв.950, 190б); гдѣ же **рече** (Цв.950, 1190б).* Нарушений традиции ввода слов сакральных лиц аористными формами не зафиксировано.

Формы простых претеритов наблюдаются в контекстах, повествующих о единовѣрцах автора. Выражая свою целеустановку по принципиальным конфессиональным вопросам, последний использует формы аориста, при этом не только в собственном значении, но и в перфектном, подчеркивая тем самым актуальность результативности в настоящем времени, ср.: *но мы от хрта спаса **научихомся**, закон и заповѣди его сохраняти, и веру стую блюсти (Цв.950, 310б); ибо мы расколу въ вѣрѣ со стѣими никакого не сотворимъ, и творити весьма ужасаемся: и не сектоводители, понеже отсекания от стѣи церкви **не сотворихомъ**, и не буди намъ православнымъ хртияномъ сего и помыслиши (Цв.950, 61-610б); А сему **почудихомся**, видевше яко нѣщѣи члвцы неприемлюще, и пренебрѣжающе, цвѣты собранныя от стаго писания (Цв.950, 690б).*

В то же время при констатации фактов уже имевших место действий/состояний странников, касающихся непринципальных вопросов вероучения, наблюдаем л-формы, например: *иногда вы что премудрѣ вѣщаете, чего мы еще никогда **неслихали**, и въ писании **невидѣли** (Цв.950, 680б); и тогда **разбѣжались** кто куда **зналь**, и **скрылись** в горах (Цв.950, 110).* Таким образом, использование аориста и л-форм в повествовании о странниках является для автора одинаково возможным. Данные формы характеризуются как грамматические синонимы, вариантные средства выражения прошедшего времени. Выбор того или иного варианта может быть мотивирован принципиальной важностью действий/состояний как идеологических разногласий с “мирскими” старообрядцами.

Простые претериты отмечаются в контекстах, в которых повествование ведется об отступниках, например о прегрешениях пастырей церковных, где имперфектная форма обозначает длительное действие в прошлом, не ограниченное во времени: *посемъ же и другое **согрѣшаху** о дарѣхъ велѣмудрѣствующе (Цв.950, 2350б).*

Во всех страннических рукописях XIX-XX вв. л-формы являются доминирующими средствами, формы простых претеритов отмечаются в цитатах основных вероучительных текстов. Следует заметить, что авторы чаще всего используют не точные цитаты, а их парафразы: *и видехъ ангела с небесе низъ ходящаго имуща ключъ бездны, и урже великое в руцѣ своей. и удержка змия, оужи онаго древняго. еже есть дьяволъ и сатана, /прельщая въселенную всю/ и связа и на тысящу лѣтъ (Улож., 9); видѣхъ изусть змиевъ и изъ усть звѣринъ и изъ усть лживаго пррка духи три нечистыя (Отв., 20б); а иже по аплу хртовѣ суть распяше плоть свою, состратѣи и похотѣи, и покрише полоть духови се есть ненавидение дши своея (Цв. 447, 1030б); и егда отвѣрзѣ, четвѣртую печать, слышах глас (Бесѣд., 139); и видѣхъ и се конь блѣззелены: и седяй верху него имя ему смръть (Бесѣд., 139).*

Простые претериты традиционно употребляются авторами XIX-XX вв. в контекстах, повествующих о деяниях сакральных лиц, а также в повествованиях об истинных христианах, пострадавших за старую веру: *стѣи апли и стѣи оцы **предаша** и **повелѣша** благословляти люди (ТН, 132); апли **предаша** верныи два чина житию брачное мирское и девственное (Сказ., 2-20б); **установиша** святыи отцы (102, 108); иныи же токмо обливаютъ водою, а не глотъ якоже **повелеша** стѣи аплы, и стѣи оцы (СБ, 168); гдѣ нашии исъ хсъ прѣждѣ прииѣствия съвоего предовѣчь своихъ **посылаиѣ** пророковъ (Улож., 95).*

В функции ввода слов сакральных лиц в рукописях бегунов XIX-XX вв. по-прежнему отмечается аорист глагола *речи*: *и гдѣ рече: горѣ имже путь истинныи во языцехъ хулится, и горѣ имже соблазнъ приходитъ (Улож., 1); по златоусту, велиа, бо рече дьяволя сѣтъ (Бесѣд., 430б); и аще кто напоитъ, единого от сихъ рече гдѣ (Цв. 447, 66); в пятый же день рече гдѣ (Цв. 447, 66); рече гдѣ аще кто грядетъ ко мнѣ (Цв.447, 1030б).* Данная форма используется и в собственно авторском тексте, например: *егда рече гонят вы из града бѣгайте в другии, и проч: нерече, аще хотите: но бѣгайте глѣ (Бесѣд., 132).* Она имеет место при отсылке к сказанному выше: *ибо преждѣ **рѣхомъ** вам, и ннѣ глемъ (Улож., 75).*

Странники XIX-XX вв. используют формы простых претеритов и в собственно авторском тексте. Так, в сочинении «Бесѣдословия» в повествовании о страдальцах за старую веру наблюдаются формы аориста и имперфекта: *онии **осталцы** еже бы что подписати къ низложению закона, и похулению, за великую дшевную пагубу **вмѣняху**. о чем явствует исторія также о павлѣ епкпе*

коломенском, юже аще и в невѣдени **подписа**, и зато зазрен **бысть** от вѣрныхъ. послѣ ди и самъ **понулся** паки, еже бы заглядити таковое к неправдѣ подписание и **изволи** пострадати (Бесѣд., 430б-44). Имперфектная форма создает фон, на котором разворачиваются сменяющие друг друга действия/события, выраженные формами аориста. Ср., в странническом сборнике начала XX в. историко-полюемического состава «Слово творение щенноионока и мчика, феокиста бывшаго во изгнании», который хранится в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (В-5515): *яко от лѣтъ по числу...конецъ пррочества приаша (350б.); и вси воскликнуша ему единогласно: вивать вивать новыи годъ; от того дни разосла своя оуказы во всю русию (360б.)*

Таким образом, в страннических рукописях XIX-XX вв. доминирующими формами в выражении действия/состояния в прошлом выступают л-формы. Простые претериты отмечаются в цитатах основных вероучительных текстов или их парафразах. Активно используется аорист глагола речи. В собственно авторском тексте формы простых претеритов в рукописях данного периода используются не только в собственном значении, но и в значениях других временных форм, что свидетельствует о субституции. Главным значением употребления церковнославянских форм является для странников само их присутствие в сочинениях как знаков соотнесенности с традиционными сакральными текстами.

Выводы

Подведем итог сказанному. Активизация л-форм как возможных вариативных средств не осознается авторами-странниками как *порча* языка, так как традиционные церковнославянские языковые средства выражения, восходящие к «дониконовским» вероучительным текстам, продолжают функционировать, оставаясь важными структурными звеньями.

Церковнославянские средневековые средства оказываются теми скрепами, которые позволяют сохранять связь с сакральными текстами, определяющими национальные вековые ценностные доминанты.

Таких элементов-скрепов хватает небольшого количества, так как для восстановления, узнавания сакрального смысла достаточно минимального характерного элемента, позволяющего соотнести новый текст с исходным традиционным. Но для адекватного восприятия всех смыслов адресат должен хорошо знать вероучительные пресуппозиции.

Тексты, привлеченные для анализа, продолжают жить, т.е. они постоянно переписываются на протяжении длительного времени, уже нескольких веков, при этом, что не менее интересно, на разных территориях, и не только России, но и мира. Поэтому модификации живого письменного языка вполне закономерны вследствие естественных объективных законов системы. В новые тексты проникают ненамеренные описки, парафразы, перифразы, паронимии, из чего вытекает амбивалентность вновь создаваемого текста. Главное, что любой языковой элемент используется авторами осмысленно, с осознанием того, что тексты, которые усваивает носитель языка, оказывают влияние не только на языковую практику, но, в первую очередь, на духовную.

То, что старообрядцы исторически не прерывали православную практику, их доминативное несекуляризованное мышление позволило им сохранить на основании преемственности конфессиональную целостность, национальные традиционные начала, этническую идентичность даже в условиях рецепционного окружения.

Таким образом, конкретные реализации письменного языка неоспоримо свидетельствуют, что узуальная нормализация связана с ментальными процессами в сознании создателей письменного текста, когнитивно-концептуальной парадигмой.

Литература

- Ремнева, М.Л. История русского литературного языка / М.Л. Ремнева – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 400с.
- Солуянова, Е.Г. Язык русских исторических сочинений конца XVII – начала XVIII в. / Е.Г. Солуянова – Автореф. дисс...канд филол. наук – М., 1989. – 16с.
- Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века / В.М.Живов – М.: Языки русской культуры, 1996. – 591с.
- Обнорский, С.П. Очерки по морфологии русского глагола / С.П.Обнорский – М.: АН СССР, 1953. – 252с.
- Кутина, Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа / Л.Л. Кутина // Язык русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1981. – С.7-46.
- Жульева, В.А. Формы глагола прошедшего времени в русских повестях XV-XVIII вв. / В.А. Жульева – Автореф. дисс...канд. филол. наук – Казань, 1973. – 16с.
- Кузнецов, П.С. Очерки исторической морфологии русского языка / П.С.Кузнецов –М.: АН СССР, 1959. – 276 с.
- Успенский, Б.А. Избранные труды. В 2-х томах / Б.А. Успенский – М.: Языки русской культуры – Т.1. – Семиотика истории. Семиотика культуры – 1994. – 429с.
- Цит. по: Русская литература последней четверти XVIII века: Хрестоматия / Сост. В.А.Западов. – М.: Просвещение, 1985. – 432с.
- Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40. – 1981. – №4. – С.356-367.
- Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. / В.В. Виноградов – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1938. – 448с.